

Пантелеймон РОМАНОВ

РУСЬ

Часть шестая

Свершилось то, что было мечтой многих поколений русской интеллигенции: старый деспотический строй, преграждавший народу путь к свободе, -- рухнул.

И вышло, как всегда: все уже в течение полугода говорили, что революция неизбежна, но, когда она произошла, интеллигенция и её вожди оказались совершенно застигнутыми врасплох. Никто как-то не ожидал, что она случится именно в эти последние дни февраля 1917 года. Тем более что и числа даже были неровные -- не 1, не 5, не 10, а 26, 27-го. Началась она, собственно, и вовсе 23-го, число уж совсем мало подходящее для великого события.

Как-то все боялись даже верить, что это когда-нибудь свершится, и только страстно ждали, но совершенно не успели подготовиться.

Так как вожди либеральной интеллигенции и буржуазии уже со второго года войны с думской трибуны во всеуслышание говорили о негодности старой власти и беспощадно вскрывали её неспособность управлять страной, неспособность к организации, её полицейскую политику, то восставший народ, главным образом в лице солдат и всякого рода обывателей, в первые дни устремился к Государственной думе как к очагу революции.

Имена Родзянко и Милюкова как самых главных революционеров были у всех на устах. И Родзянко, в последние дни в ужасе метавшийся в поисках средств для спасения монархии от восставшей черни, каждую минуту выходил на подъезд Таврического дворца и говорил своим мощным протодьяконским голосом пламенные революционные приветствия народу, приходившему к славной колыбели революции -- Государственной думе -- выразить ей свою преданность.

Бесчисленные манифестации с красными флагами, воинские части с броневиками и вооруженными солдатами стремились увидеть его и, когда видели на крыльце огромную фигуру в сюртуке, надрываясь, кричали "ура", махая через головы впереди стоящих шапками.

И опять, несмотря на то, что революцию ждали целые десятилетия и многие стремились к ней как к великому торжеству великого народа, когда она свершилась, её лицо показалось совсем не таким, какое представляло себе большинство интеллигентного общества. Великолепные залы Таврического дворца с его белоснежными колоннами, зеркально чистыми полами, с люстрами, радужно блестящими дрожащими подвесками, наполнились вдруг беспорядочной уличной толпой в сапогах с обтаивающим снегом, солдатами в шинелях и папахах, с ружьями. Толпа неудержимо заливала блестящие залы, внося с собой через настежь раскрытые двери промозглый холод февральского дня и делая целые дороги из грязных следов от дверей, где из года в год стоял важный швейцар, глядя через стекло на улицу и подметая щёткой малейшую замеченную пылинку.

И вожди революции, которых так жаждал видеть народ, испытывая отвращение к непривычной, грязной и, по-видимому, разнузданной толпе, чувствовали прежде всего ненависть к этой толпе за то, что она ворвалась в чистые залы своими грязными сапогами. Но это было уже потом, а в первое мгновение все вожди выступали перед народом с искренним подъёмом, так как сначала думали, что это идут их бить. И когда выяснилось, что не бить, а приветствовать, то испуг сменился подъёмом.

И Родзянко, с ужасом видевший, что монархия гибнет, что улица грязным потоком заливают величественный дворец, не имел ни силы, ни возможности спасти венценосца. Не мог же он выйти к этим радостно приветствовавшим его толпам освобожденного народа и сказать им:

Напрасно вы рассчитываете во мне увидеть своего союзника: если мы с думской трибуны громили старый строй, то вовсе не с целью его уничтожить. А тем более способами, до которых охотники вы. Мы просто обязаны были перед своей интеллигентской совестью сохранить славную традиционную оппозиционность по отношению к власти. Но до известных пределов, так как все-таки эта власть даёт нам и положение, и достойное место в жизни. А вас, будь такая возможность теперь, я охотно успокоил бы десятком-двумя пулемётов, чтобы очистить от ваших грязных сапог и шинелей дворец славного фаворита Великой Екатерины".

Но сказать это было невозможно, и потому приходилось говорить совершенно наоборот -- то, чего никогда не думал и не хотел говорить. Приходилось выражать радость по поводу падения